Праздник Дрейка

Автор:
Вероника Мелан

Праздник Дрейка

Вероника Мелан

Город

Даже если ты не человек и никому не известно, сколько тебе лет, ты все равно достоин праздника – именно так считала Бернарда, задумав праздник для своего любимого. А Дрейк не смог отказать той, к ногам которой готов положить весь мир.

Все приглашены на день рождения, но времени катастрофически мало, чтобы придумать достойный подарок тому, у кого всё есть.

А тут ещё и Дэйн Эльконто залип, как муха, в странных сновидениях, спровоцировав цепь событий с почти детективным сюжетом.

Чем же всё завершится? Кто поможет решить проблему со снами? Куда пропало кольцо с пальца Джона Сиблинга? И что же подарят ребята Дрейку?

В сборник также входят рассказы: "Ошибка Ллена Эйдана", "Досрочный Переход", "Две головы"

Вероника Мелан

Праздник Дрейка

Ошибка Ллена Эйдана

От автора: в этом рассказе речь идет о служащем «верхнего» отряда специального назначения, человеке, способном изменять собственную внешность, хамелеоне Ллене Эйдане, упоминавшемся ранее в книгах Эра и Кайд.

Глава 1

(Egzod, Alter – Believe I’m Leaving)

– Что, прям любую можешь склеить? Вот любую?

– Угу.

Недавний знакомый Ллена – владелец автомастерской у моста – смотрел недоверчиво. Он только что (имея вполне незаурядную внешность: симпатичный блондин, крепкий, накачанный) получил отпор от брюнетки у дальней стойки бара. Ни тебе приглашения на танец, ни телефона, ни «продолжения банкета». Теперь Дарек Вогич пил и болтал, пытаясь скрывать дискомфорт от ударенного самомнения.

– И эту?

Кивок на миниатюрную дамочку с розовой, как и ее помада, сумочкой на вертящемся стуле.

– И эту.

– И ту?

Взгляд на высокую, выше их обоих, молодую женщину на «метровых» шпильках.

– И ее.

– Да брешешь!..

Ллен ухмыльнулся.

Знал бы ты о моих способностях, думал он, глядя в стакан виски (четвертый по счету, кажется; день, черт подери, выдался сложный), но откуда тебе? Метаморф, хамелеон, человек, способный принимать любую внешность – об этом знали только коллеги, люди в Реакторе, и, конечно, босс. А посторонним ни к чему. И нет, на самом деле Эйдан не менялся физически, как врожденный метаморф, но мастерски подменял чужое восприятие самого себя. Хотите видеть друга? Увидите друга. Врага? Пожалуйста! Человека симпатичного, страшного, молодого, старого? Кого угодно. Мастер иллюзий, вот он кто.

– Спорим на штуку баксов?

Эйдан удивился. Деньги ему ни к чему, но Вогич все больше распалялся: не то желал подловить соседа на лжи, не то позубоскалить насчет отказа, не то научиться «клеить все, что движется». Истинную причину Ллен так и не понял. Но понял другое: он совсем не прочь провести эту ночь в жарких женских объятьях. Поцелуи, влажные дорожки на коже, проникновение в сладкую тесноту – да, точно, он соскучился. И секс не помешает.

– Спорим, – согласился легко, допивая виски.

«Заказать, что ли, пятый стакан?» – подумал. И не стал.

– Но выбираю я, – выставил условие блондин.

– Выбирай…

Как будто личность имеет значение, когда умеешь нравиться любому.

– Согласен только в том случае, если она понравится мне.

«Не хочу кувыркаться с уродиной».

Но Дарек и сам сообразил, что с уродиной все пройдет легче легкого, потому что таких не приглашают на свидание часто. Нет, он выберет красотку, да такую, чтобы точно к себе не подпустила. Долго крутил головой, высматривал «добычу».

Девятый час вечера, а в баре уже многолюдно. Еще не максимальная заполненность, то есть можно пройти не толкаясь, но разношерстной публики достаточно. Девушки красивы, жеманны и привлекательны, парни притворно бравурны – им, как Вогичу, важно заполучить или телефон, или, если повезет, жаркую ночь; неоновые огни переливаются по стенам за барменом и дорожкой.

«Лонги» хорошее заведение. Не слишком пафосное, но и не кабак, подходит для того, чтобы скоротать вечерок за бокалом в одиночку или найти компанию.

– Нет, не та… и не та…

Дарек с прищуром матерой кобры искал даму, которая поможет ему выиграть пари. Одни казались ему слишком доступными, другие слишком пьяными, третьи отметались по непонятным причинам.

– О! – послышалось наконец. – То, что нужно. Она!

И Ллен повернулся, чтобы уткнуться взглядом в один из столиков, за которым сидела одинокая брюнетка. Не слишком высокая, в симпатичном кофейном платье, с темными, как у лани, глазами. Почему-то печальная. Она только что (чему чрезвычайно обрадовался Дарек) отшила, покачав головой, какого-то бедолагу и уткнулась взглядом в стакан с коктейлем. Правая нога то и дело каблуком туфли постукивает по полу (нервничает), отчего скачет коленка и край платья. Руки напряжены, пальцы сплетены; брови нахмурены. М-да. Эта точно не пришла «веселиться», тут Вогич прав. Но Ллену она понравилась. Стройная, красивая не по-журнальному, но по-своему. Фигура точеная, губы пухлые, грудь имеется. А напряжение не помеха, его он легко снимет.

«Все, штука баксов моя!»

Сосед уже торжествовал, предвкушал, горел скорой победой.

– Нравится тебе?

– Вполне.

– Тогда… давай!

И смешок вслед, когда Эйдан поднялся с барного стула.

(Charlotte Lawrence – Joke’s On You Acoustic)

Шагая к столику, Ллен мысленно переключал невидимый тумблер. Проскочил положение «симпатичный знакомый», «старый друг», «тот, кто вызывает доверие». Нет, ему нужна тяжелая артиллерия. И остановился на отметке «тот, кому она больше всего обрадуется». Пусть сделает выбор сама. Сегодня во время работы Эйдан уже многократно менял внешность, это его неординарное умение постоянно пригождалось в работе. Был и уродом со шрамом через все лицо, и «рубахой-парнем», и неприметным банкиром, и даже бродягой. Пусть всего лишь на минуту, но все-таки. Теперь побудет «долгожданным человеком».

Нет, он не ощущал изменений в себе, переключая невидимый рычаг, но стопроцентно знал: его воспримут тем, кем он прикинулся. Детали не важны.

Так и произошло.

Сначала глаза «лани» широко раскрылись в неверии, после она подскочила навстречу с такой скоростью, будто сиденье выстрелило пружиной.

– Ма-а-а-акс? Макс?!

И кинулась ему на шею.

Ллен опешил. Девчонка кого-то ждала, кого-то конкретного, и для нее в эту самую минуту он выглядел тем неизвестным ему самому Максом.

Жаркие объятья, крепкие, даже слишком – «лань» не верила, что ее знакомый придет. У Дарека выпадали от удивления глаза, Эйдан ощущал это спиной.

– Ты простил, – шептала незнакомка с дрожью в голосе, – я знала, я знала, слышишь…

Эйдана тискали, как плюшевого медведя.

– …ты ведь не мог поверить, что я сама бы это сделала… Он сам. Ты зря так отреагировал, но неважно, слышишь, теперь все неважно, – гигантское облегчение в ее голосе. – Ты здесь… ты пришел…

Неожиданно Ллена поцеловали в губы – нежно и страстно одновременно. С той жадностью, с которой целуют человека, которого не ожидали увидеть.

«Влип», – подумалось на автомате.

Незнакомка, чьего имени он не знал, приятно пахла – фиалками и чем-то пряным, соблазнительным. Теперь он чувствовал под руками гладкий атлас ее платья, щекочущее дыхание, упирающуюся ему в рубаху грудь, начинающийся изгиб ягодиц, на которые случайно опустил руки.

– Пойдем отсюда, да? – шептала девчонка между поцелуями. – Нам здесь нечего делать… К тебе? Ко мне?

Если ответит «ко мне», то спалится с машиной, ее-то подделать не сможет.

– Я без колес… Выпил.

– Я тоже. Неважно, возьмем такси.

– Тогда к тебе.

Когда он проходил мимо барной стойки, обнимая брюнетку за талию, лицо Вогича выглядело застывшей маской. Дарек продолжал видеть в Эйдане не «Макса», но того же самого небритого мужика, с которым пять минут назад пил виски, и не мог понять, почему растерянная женщина, давшая отпор симпатичному парню до того, согласилась вдруг проследовать на выход с невзрачным плюгавым бородачом.

Ллен мысленно улыбался. Лишняя штука баксов – это неважно. Важно, что не соврал, когда сказал «могу соблазнить любую». А ночь будет жаркой, это он чувствовал.

* * *

(MVDNES – Pathogen)

Он сел задницей на чужой стул, и это скребло.

Но перестало, когда захлопнулась за спиной дверь чужой темной квартиры, когда заскользили по груди, расстегивая пуговицы рубахи, женские пальцы.

– Я думала… что потеряла тебя…

Девчонка была жадной до прикосновений. Эйдану казалось, что она обвилась вокруг него виноградной лозой.

– Твой телефон… не отвечал…

Ллен даже пожалел, что выбрал внешность того, кого она больше всего ждала. Нужно было остановиться на ком-то для нее незнакомом, но симпатичном, и спор был бы честным. Но когда ему расстегнули ширинку, опустились на колени и приняли в горячий рот то, что уже налилось и встало, Эйдан забыл о правилах. Какая разница честно или нечестно, Макс не Макс… Его облизывали и сосали так, как никогда; от перевозбуждения у него взвизгнули все эротические сенсоры. «Лань» была хороша, она была чудом. Поднялась с колен, прервав оральную ласку на половине; кружевной бюстгальтер отлетел в сторону, качнулись жаждущие его губ груди, и пьяноватый Ллен отбросил угрызения

совести. Даже если сейчас настоящий Макс позвонит, он не даст ей поднять трубку.

Макс, однако, не звонил.

А Эйдана оседлали на кровати. Насадились на него сверху, как на желанный резиновый «банан», и сквозь смесь похоти и страсти он чувствовал отсвет настоящей любви. Той самой, которую ищут годами, которую не подделать и не пропить. В другой раз, находясь с женщиной, взял бы инициативу в свои руки, но тут с удовольствием принял чужой ритм и сценарий. И нет, спутница не замечала подмены – ее рецепторы со всей уверенностью заявляли ей, что она в постели с любимым. Не важна ни разница в росте, ни в телосложении, ни в тембре голоса: Эйдан «хамелеонил» человеку не глаза – мозг.

И сейчас сам плыл от удовольствия, играя пальцами с сосками, вдыхая аромат разгоряченной кожи, чувствуя себя в тугой влажности. К нему наклонялись, целовали, его обласкивали, как потеряшку, его любили во всех смыслах. Горячая, счастливая, страстная, как кошка. Куда только подевалась неуверенная девчонка из бара?

Шикарная у нее все-таки грива и похожая на изгиб амфоры талия.

Он кончал в незнакомку с рыком, с волной облегчения – ночь удалась.

Жаль только, думал он, обнимая вздрагивающее после оргазма тело, что имени не спросить.

Глава 2

(Marin Hoxha, Siren Jean – Don’t Lie)

Утро пахло жареными блинчиками.

Еще никогда Эйдан не просыпался так, будто его ударило разрядом в двести двадцать. Дурак! Дурак, когда дал знак официанту налить третий виски в баре, когда так нагло выдал себя за другого человека и отделал ничего не подозревающую девку. Дурак, что не убрался из чужой квартиры ночью. Но он выпил слишком много и слишком сильно расслабился после секса, сморило. Черт!..

Не успел он подняться, как новая знакомая, одетая в тонкий женственный халат, присела на край постели, ласково провела рукой по его щеке:

– С добрым утром, любимый. Завтрак уже на столе, все, как ты любишь.

В свете солнца она казалась еще красивее, еще нежнее, и, что хуже всего (от этого факта Ллен чувствовал себя настоящим мудаком, ворующим чужое счастье), в ее глазах светилась неподдельная любовь.

– С утром… – прохрипел он, чувствуя, какую глубокую яму прогрызла в его сознании совесть. Выбираться ему придется, нацепив на конечности профессиональные «кошки».

– Умывайся, я налью кофе.

Эйдан понимал одно – нужно убираться. Не продолжать этот фарс, способный надолго отравить кровь чувством вины, а заканчивать спектакль. И чем быстрее, тем лучше.

Ванную он нашел со второй попытки (сначала ткнулся в туалет), запер дверь, включил кран, плеснул в лицо водой. После уперся руками в прохладный мрамор и взглянул на себя мрачно.

«Как выглядит этот Макс?» – дал мысленный запрос, и поверх его настоящей внешности – приятного, но чуть жесткого лица, щетины и коротких каштановых волос – проявился кто-то больше похожий на блондина. Чуть уже в плечах, на пару сантиметров выше Эйдана, с вьющейся и зачесанной назад светлой шевелюрой. Холеный и уверенный в себе парень с ровным носом и большеватым ртом. В целом, гармоничный.

«Такие часто становятся риелторами или консультантами в автосалонах», – думал Ллен, рассматривая голограмму второй оболочки, видимой сейчас лишь ему и хозяйке квартиры.

– Как ты дошел до жизни такой? – спросил самого себя прежде, чем сунуть в рот горошину зубной пасты и прополоскать рот. Когда из крана перестала течь вода, двойник в зеркале уже растворился, как призрак.

Все. Прочь.

– Послушай, мне нужно на работу, – сообщил он, едва отпер дверь, – срочно.

– Как? – его новая подруга удивилась и тут же опечалилась. – Даже не поешь?

– Нет. Позвонили…

– Позвонили? У тебя же телефон до сих пор «недоступен». Я случайно утром нажала дозвон – «абонент вне зоны доступа».

Чем дольше он здесь, тем большей ложью обрастает, как затонувший корабль моллюсками.

– Да… Позвонили еще на прошлой неделе, я просто забыл. А телефон… глюкнул. Надо отремонтировать.

– Просто купи новый, – улыбка у девчонки вышла теплосаркастичной. Наверное, Макс мог позволить себе просто выкинуть старый сотовый в урну и заменить его последней моделью.

– Да, так и сделаю. Мне пора. Пора… мне…

– Ты набери меня вечером, да?

Это «да», которое Эйдан выдавил, показалось ему расцарапавшим горло камнем.

Он больше не вернется. Может, поэтому и обнял ее крепко, по-настоящему, потому что ценил в женщинах умение так любить – честно, ничего не требуя взамен.

– Завернуть тебе блинчиков с собой?

– Нет… не могу… буду ими пахнуть на встрече.

– Поняла.

По лестнице подъезда он спускался, заказывая такси.

* * *

(Andrew Weiss – Overcoming)

Не доезжая до бара, у которого оставил машину, Ллен вышел, толкнул дверь забегаловки, заказал кофе «с собой». И только после этого сел в собственный джип, уже успевший нагреться от утреннего солнца. Дешевый кофе горчил, совесть тоже.

Специальные часы показывали, что в Реакторе его раньше двух не ждут – время есть. Можно заскочить домой, принять душ, переодеться, нормально позавтракать. Вот только не давала покоя мысль о том, что если настоящий Макс позвонит «лани», то выяснится неприятная вещь – она с кем-то переспала.

«С кем?» – спросит тот, кто вчера не явился на встречу.

«С тобой».

«Со мной не могла, я был в другом месте…»

И в жизни двух людей начнется тарарам.

Можно, конечно, забыть. Или наплевать. А можно исправить ситуацию, пока не поздно. Хотя бы попытаться это сделать. Глотая призванный бодрить напиток, Ллен достал из кармана телефон. Ни минуты не колеблясь, набрал решетку, задержал на ней палец – дал вызов Информаторам. Пусть с него снимут за вопросы, он готов платить. Сам ошибся – сам рассчитается.

Ему ответили сразу:

– Чем мы можем вам помочь?

– Мне нужно знать имя девушки, с которой я сегодня переспал.

Прямо и точно. С невидимой расой всезнаек можно не жеманиться.

– Лиза Манковски.

Значит, Лиза. Отлично.

– А имя ее парня? Макс…

– Максимус Рихтер, – прозвучало без задержки.

– Мне нужен его адрес.

Ллен возьмет с собой сенсора, навестит «потеряшку», который, скорее всего, просто запил. Внушит тому, что эту ночь Рихтер провел со своей любимой, потому что помирился с ней, делов-то. Да, придется дать срочный вызов Санаре – тот умеет перекручивать память. Если занят Аид, Эйдан выдернет с Четырнадцатого Халка Конрада – хороший спец, достойный, зря еще не перешел на Пятнадцатый.

Информатор почему-то молчал. Уже вечность назад мог продиктовать адрес, но не делал этого. Ллен незаметно напрягся – у него на счету не хватает денег? Да быть такого не может!

– Адрес я вам дать могу, – через какое-то время послышался ответ, – но в этом нет смысла. Вы ведь хотите навестить владельца квартиры?

На памяти Ллена вопросы задавали Информаторам. Сами Информаторы задавали вопросы редко.

– Хочу.

– Проблема в том, – заминка, – что Максимус Рихтер погиб еще двое суток назад. Сел в машину пьяным, слетел в пропасть на девятнадцатом километре, до сих пор никем не обнаружен.

Конец фразы Эйдан слушал с внезапно пересохшим ртом.

Он даже не смог сказать спасибо, просто ткнул одеревеневшим пальцем «отбой», а после хлопнул себя по коленке так, что пролился через неплотную крышку кофе.

– Черт! Дерьмо!

И вроде бы не его дерьмо, вот только теперь его тоже. А в голове пусто, как в колоколе после удара. В голове пыльный чулан и кружат пылинки.

Почувствовав, что ему душно, Ллен открыл окно.

* * *

(7715 – 2 Much)

Оказалось, что на два часа дня назначены лабораторные тесты. Начальник время от времени включал их в расписание для каждого служащего-человека, и сегодня Ллену предстояло обойти всех «специалистов». Проверить зрение, кровь, пробежать кросс на выносливость, определить проводимость нервных окончаний, заполнить бумажки…

Всем занимались Комиссионеры в белых халатах – нейтральные лицом, как восковые куклы, – снимали показания, записывали, что-то помечали в блокнотах.

Эйдан же напоминал себе лабораторную крысу, науськанную выполнять команды: «Сядь… Сожми руку в локте… Давай на дорожку… Выпей это… Достаточно, спасибо…»

Хуже всего, что во время сдачи анализов у него оставалось время думать. И чем дольше Ллен думал, тем отчетливее понимал – после того, что узнал утром, он не сможет так просто слиться. Он должен пойти к Лизе и рассказать ей правду. Будет один из тех разговоров, которые он ненавидел – плохие новости, уродливая правда, истерика. Сначала «лань» узнает, что изменила любимому хер знает с кем, после, что Рихтер разбился. Надо ж было во все это встрять…

– Пописайте в пробирку…

Ллену протянули чистую колбу, узкую, как шкура от сосиски.

– Пошире баночки нет?

– Вы попадете.

После этого ответа он уверился, что проверять будут не мочу, а его «ссульную» меткость. В туалет все-таки пошел.

И почему он не эгоист, которому все равно? Подумаешь, снял в баре девку, переспал. Дальше не его проблемы…

Вот только точила, как кислота камень, мысль о том, что Лизе о смерти Макса все равно раньше или позже сообщат, и она не сможет понять, как переспала с любимым через сутки после его смерти. Это знание может явиться для нее шоковым, может неприятно сдвинуть сознание, а «лань» подобного не заслуживала. Плохих новостей, собственно, тоже, но выбора нет…

«Не мое дело», – твердил себе Эйдан в который раз, и в который раз это не срабатывало.

В пробирку он попал с третьей попытки.

* * *

Он не хотел, но решился. Даже не уговорил себя – пнул прийти. И теперь объяснял:

– …поспорил… наткнулся на тебя… сменил внешность… Я метаморф, умею такое…

А в глазах Лизы водопад из смены чувств – недоумение, растерянность, понимание, ужас, наконец… Паника-паника-паника. Она, сама того не зная, изменила. В какой-то момент, глядя на изменившегося прямо при ней гостя, «лань» перестала дышать, у нее спазмировало горло.

В коридоре горит только ночник, за окном уже темно; Ллен не стал даже проходить.

– Послушай, я не хотел причинить вреда, искал женщину на ночь… Не знал, что ты занята, что все так… обернется…

На него смотрели, как на чудовище, как на вервольфа, хотя внешность самого Эйдана чудовищной не была – обычный мужчина, чуть выше среднего, не старый, не страшный.

– Я хотел все объяснить ему сегодня, чтобы у тебя без проблем… Но узнал…

На этом моменте Ллен тяжело вздохнул – сейчас ему придется ее «убить».

– …что твой Макс мертв. Уже двое суток. Разбился на своей машине, сел за руль пьяным.

Даже сообщил место, километр, название каньона. И увидел, как рушатся в глазах Лизы булыжники, некогда составлявшие фундамент ее внутренней планеты. Разломы, разломы, вселенная бесшумно и на части…

Он понимал, что надо остаться, утешить, стать той грудью, которую можно колотить, в которую можно рыдать. Но не смог. Страшился даже представить, как сможет следующий час смотреть ей в глаза, видеть в них гарь после

ядерного взрыва, слышать, как рыдает, трещит по швам чужая душа.

– Прости, – выдавил хрипло. – За меня… за новости…

«За все это».

И ушел.

Закрыл за собой дверь, зная, что больше не вернется.

Глава 3

Следующие пять дней он тонул в работе, как в болоте. Нырял в рутину, напрашивался на боевые действия, прилипал по вечерам к друзьям – лишь бы не один. Заколебал, наверное, всех, хотя коллеги относились с пониманием, чувствовали, у Эйдана что-то случилось. Он не пил, разве что слишком много кофе, и рвано спал. Непривычно много курил, хотя уже два раза выкидывал в урну пачку, зарекался лезть за новой сигаретой, но ловил себя на мысли, что сейчас, в этот период, можно. Нужно, наверное, раз по-другому не выходит.

Один раз влез непрошенным в операцию Кайда и Санары, появился не в своем обличье и не вовремя, чуть не схватил пулю. Но схватил от Начальника по шее, едва не вылетел в неоплачиваемый отпуск.

Это все должно когда-то закончиться, говорил себе, ведь все заканчивается. Пройдет и этот период. Отпустит. Ничто не длится вечно. Но дерьмо к нутру прилипло прочно, засохло там, теперь не отдиралось.

Дождь даванул с утра. Поливал город и в обед, и к вечеру, согнал столько туч, что к шести наполовину стемнело. Ллен впервые решил, что сразу после Реактора домой. Попробует почитать, посидеть перед теликом, выспаться, наконец. К киоску свернул лишь для того, чтобы купить свежий выпуск «МотоРикса», и рядом с крыльцом парикмахерской заметил ее – фигуру с зонтом.

Лиза изменилась. Потухла, повзрослела, постарела изнутри, будто за неделю прожила жизнь. Под глазами круги; зонт черный, полы плаща мокрые, мокасины насквозь. Она не замечала ни луж, ни мороси, ни того, что ей давно следовало пойти туда, где сухо, сменить одежду, отогреться и выпить горячего чая. Чай и она – в разных мирах.

Ллен остановился не потому, что хотел, но потому, что должен был.

Какого черта она здесь делает? Искала его?

Встал перед ней, не поздоровался, просто вздохнул. Перемены были ей не к лицу, Эйдан помнил, что косвенно причастен к ним. Но ведь косвенно.

– Чего тебе?

Тот факт, что она искала его, не вызывал сомнений.

Темные глаза глухие, будто заложены каменной кладкой.

– Я… заплатила Информаторам все свои деньги. Просила твой адрес, но они не дали, сказали только, что ты пройдешь сегодня здесь.

«Сколько часов она стоит под дождем?»

– Зачем я тебе?

Лиза – тень себя прежней – молчала. Выдавала невпопад.

– Его хоронили два дня назад… Я… не пошла. Не смогла.

Он ее не винил. Но и к себе домой звать не хотел, обогревать тоже. Он сам хотел выпутаться из этой неприятной паутины; Лиза этому не способствовала.

Невнятная глухая тишина затягивалась.

– Зачем искала-то?

Купить бы уже журнал, вернуться к себе.

И она впервые посмотрела на него пронзительно и ясно. Собралась с мыслями, попросила:

– Стань им. Пожалуйста. Хотя бы на день…

Эйдан сразу понял, о чем речь. Понял и разозлился. Не дал ей продолжить о том, что она «все понимает, что ей хотя бы вечерок в объятьях Макса, чтобы вышла иллюзия прощания».

– Дура! – выругался гневно. – Я тебе кто, клоун? Чародей, фокусник? Может, заплатишь еще, чтобы я всю жизнь его теперь играл?

У Лизы дрожал подбородок.

– Не понимаешь, что себе хуже делаешь? Думаешь, легче станет? Нет, станет тяжелее, дерьмовее раз в сто!

Она продолжала гаснуть, а в нем клокотала настоящая ярость. Чего удумала!

– Мой ответ – нет! – выкрикнул, и девчонка вздрогнула. Ллен чувствовал себя так, будто только что ударил ее у всех на виду.

Ответила Лиза, впрочем, ровно.

– Я знала, что ты откажешь. Забудь.

Развернулась, зачем-то сложила зонтик, будто устала держать его над головой, и зашагала прочь – дождь ложился ей на волосы бисером.

«Я все деньги потратила на Информаторов…» – отражалась эхом у него в голове.

А ему какое дело?!

Вечер у телевизора? Почитать журнальчик? Да ему бы теперь накатить грамм сто-двести-триста.

Домой Ллен шел чертыхаясь.

* * *

Он нашел ее в девять вечера в недостроенном районе, на крыше щербатой девятиэтажки. Так и не сменившую мокрый плащ, потерявшую зонтик, превратившую светлые мокасины в комья грязи. Как она пробиралась через забор, как лезла на крышу, зачем сидела теперь на краю?

Наверное, он задницей чуял, что все не к добру, и потому отправил запрос в Реактор на предмет определения координат человека – ему, как служащему отряда специального назначения, ответили.

Подходить боялся. Мало ли, резкие действия, помутнение рассудка – черт знает, что у другого человека в голове. Понимал только, что оставить все как есть уже не может – совесть заест.

– Эй… Ты ведь не собралась прыгать? – спросил, остановившись в пяти шагах.

В здании сплошной недострой: дыры в стояках, отсутствующие ступени, а то и пролеты. Но тот, кто желает залезть наверх, отыщет дорогу. Отчаяние – оно такое, толкает на многое.

– Ты прав, – послышалось глухо, – мы чужие люди. Иди своей дорогой.

Внутри себя Лиза уже шагнула за край. Он зарубил ей последнюю надежду на свет, «ложный» свет, опустивший бы ее еще глубже во тьму, и тьма настала сейчас.

Дождь, наконец, перестал, но бетон мокрый. Пахнет пылью, сырым цементом; колышутся на ветру обрывки мешковины, которой крыли строительные материалы. А небо темное, погребальное.

Эйдан сел позади нее на выступ. Сам не знал, что собирался делать – ловить, если что?

– Давай без глупостей, а? – попросил, хотя знал, что звучит глупо и банально, он бы сам на эти слова не повелся.

Она просто сидела, просто молчала. Его пугали ее свешенные в пропасть ноги. Сказать: «Это пройдет?» У него и то не прошло до сих пор, у нее подавно.

Неизвестно сколько еще завывал ветер, гнавший и не умевший прогнать бесконечные тучи, прежде чем Лиза заговорила.

– Мы любили друг друга, знаешь… По-настоящему. Как дураки, неспособные поверить, что отыскали настоящее чувство. И счастливы были всего три месяца…

Снова сказать «пройдет»? «Отпустит»? Некоторых всю жизнь не отпускает.

– Только Макс ревновал… Дурачок. – Последнее прозвучало ласково и очень печально – мол, как можно было во мне сомневаться? – Вот и увидел, как меня не вовремя поцеловал Крис, однокурсник. Оукман всегда был наглым…

«…жаль, поздно дала ему пощечину…»

Перед глазами Ллена плыл кусок чужого прошлого: светлый коридор института, широкие окна, дерзкий и самонадеянный Крис, прижавший Лизу к стене. Макс с букетом цветов, смотрящий на эту сцену издалека…

– Он бы иначе не сел за руль пьяным. Никогда не садился.

«Из-за меня».

Чего Эйдан терпеть не мог, так это праздного самобичевания. И понял вдруг, что ему хватило собственного, вот прям позарез хватило. Пора или отпускать ситуацию к хренам, или исправлять ее; заработал на полную мощность мозг.

– Слазь, короче, – вдруг сказал Лизе, – придумаем что-нибудь.

От нее тишина. «Что тут придумаешь, если поздно?..»

Да не бывает поздно. Не на Уровнях, не когда ты служишь в Реакторе.

– Убирай ноги из пропасти, нервирует, – выплюнул грубо. Подумал, оценил риски, шансы, порядок действий. – Я верну тебя в прошлое. По крайней мере, постараюсь.

– В бар? – она даже улыбнулась, мол, какой парадокс. Зачем ей обратно в бар?

– Да не в бар! В тот день, когда тебя этот хрен с горы поцеловал. Сделаем так, что ты сохранишь об этом память, дашь ему по яйцам до того, как он полезет. Макс останется жив.

И вздохнул. Понял, что изворачиваться перед Дрейком придется крепко, потому что закон Эйдан переступит не единожды.

– В прошлое? – Лиза будто только очнулась. Повернулась впервые с того момента, как он влез за ней на крышу. – А это… можно?

Можно. Ллен был злее злющего.

– Ноги убери оттуда!

«Третий раз просить не буду».

Девчонка, сидящая не только на краю здания, но и на внутренней трещине между собой живой и собой мертвой, потихоньку затянула ноги на парапет, отодвинулась от края. На лице недоверие и первый проблеск надежды – она была готова цепляться за любую соломинку. Правда, все еще липла к ее сердцу тьма, но Лиза гнала ее, как умела.

– Это же… кем надо быть? – задала вопрос, и он понял.

– Я работаю на Комиссию. – Если уж честно, то честно. – Думаешь, человек со способностями метаморфа мог бы работать где-то еще?

«Если на Комиссию, тогда возможно, наверное. С порталами», – весь мыслительный процесс отражался крупными буквами на ее лице.

– Слазь. Пошли сушиться. Кофе пить. Ты будешь спать – я думать, поняла?

Ему стало легче уже оттого, что он больше не видел ядерный взрыв в ее глазах. Первым пошел к ведущей вниз лестнице; женские шаги зашуршали следом.

– А… а как тебя зовут? – вдруг послышалось сзади.

Значит, точно оживает; Эйдан потер висок.

– Йен, – ответил коротко.

«Ллен» все равно никто не понимает, переспрашивает, не верит. Такое уж странное имя.

Она прошла за ним, как привязанная, три этажа, прежде чем прошептала:

– Спасибо, Йен.

– Пока не за что.

Глава 4

(Secession – Be Bold And Be Brave)

– Не могу, – отвечал Кайд. – Дрейк наложил запрет на построение временных тоннелей, вынес мне последнее предупреждение. Ты понимаешь…

Ллен понимал. С последними предупреждениями Дрейка не играют, проще с фитилем от бомбы… а попросить больше некого: Санары нет в городе, Кардо

отродясь не работал с Порталами, в нижнем отряде тоже умельцев нет. Дварт был последней надеждой.

Лиза спала на диване; давно стемнело. Она уснула сразу после чая и печенья – единственной еды, которую Эйдан нашел у себя дома. Завернулась в его старый сухой свитер, обняла подушку; во сне ее ладони и плечи иногда вздрагивали.

Кайд, человек с пронзительными синими глазами, смотрел на спящую гостью.

– Но я могу сделать так, чтобы она сохранила память при переходе. Это да.

– Делай, – попросил Ллен сразу.

Все, что можно использовать, нужно использовать.

И тот, кто умел перекраивать невидимые пласты, долго стоял у дивана. В голове Эйдана скользнула мысль – Кайд выглядит как маньяк, который собирается убить. Рассматривает, наклонившись почти к лицу, стоит замерев. Сторонний человек, не понимающий, насколько сложные процессы творил в эту минуту коллега по отделу, давно спросил бы: «Эй, чувак, ты чего?» Ллен не вмешивался, не прерывал, хоть и не умел сам работать с чужой памятью, понимал, что это непросто. Наконец, друг разогнулся. Выдохнул.

– Будет помнить, – сказал тихо. – Это все, что могу.

Уже собрался уходить, когда Ллен почти с безнадегой спросил:

– Но должен же быть выход? Всегда есть…

– Есть, – кивнули ему на прощание. – И ты его знаешь. Единый Ключ.

Единый Ключ, да, думал Ллен, сидя в кресле. Он уже вспоминал о нем. Ключ, превращающий любую дверь в Портал, в том числе временной. Легко программируется (их всех специально обучали), легко перемещается в пространстве. Беда только в том, что на его использование стоит жесточайший запрет, если ты не истекаешь кровью, не умираешь, не находишься в

стопроцентно критической ситуации. Этот ключ – SOS для тех, кто на грани смерти; используй его Эйдан для другого человека, не будучи сам не то что раненым, а в добром здравии, и, скорее всего, лишится значка, работы и должности. Одномоментно. А это иногда хуже смерти, особенно если работа любимая, если жизни без нее не мыслишь. Куда он отправится из Реактора, сложив с себя полномочия? В цирк? Конечно, будучи Хамелеоном, он легко сможет себя обеспечить до конца дней, но дело не в деньгах – в занятии, полезности, друзьях, ощущении, что ты на своем месте…

«Дождаться Санару?»

Лиза, если ей сказать о том, что нужно подождать, поймет. Будет терпеливо смотреть в окно день-два-три, сколько нужно, беда лишь в том, что сам он ждать устал. Да и у Санары тоже может быть запрет, Начальник разрешений на создание временных разломов никому не дает.

А Эйдану уже хочется выпить со спокойной душой, оставив все позади, освободившись от вины и ответственности. Чтобы снова стало тихо в башке.

И, значит, Ключ так Ключ. Прыгать в омут, откуда можно не выплыть, тоже нужно уметь.

Когда он начал набирать на спецчасах код, Лиза на диване зашевелилась – в воздухе одна за другой высвечивались цифры. Ллен запрашивал то, чего не запрашивал раньше никогда, вбивал координаты для появления Ключа. После того как тот возникнет, у него будет только три минуты на то, чтобы им воспользоваться. Хорошо, что он прекрасно знает, что делать.

Лиза молчала, хоть уже проснулась – он чувствовал на себе ее взгляд.

Сначала код, который он завершил вводить на часах, переместился в пространство: цифры полыхнули между ковром и потолком, после сошлись в точку – сверкнул луч. А дальше, прямо перед носом Ллена, бескрыло паря в воздухе, возник мерцающий предмет – Единый Ключ. Металлический, осязаемый, твердый и прохладный. Разве что слишком большой, по сравнению с тем, которым Эйдан отпирал замок собственной квартиры.

– Вставай, – приказал он Лизе, – я сейчас запрограммирую Портал.

Дверь уже приметил – подойдет та, которая ведет в кладовку. Нахмурился, принялся точно определять день, место, время, человека, задавал Порталу точнейшие данные о переходе.

– С-сейчас?..

– Да. Мало времени.

Ллен зажал Ключ в руке – сложно сказать, что случится после того, как он его использует несанкционированно, но все это позже.

На то, во что превращается темная неприметная дверь в квартире – сероватое марево, – Лиза смотрела со священным ужасом. Она впервые окончательно поверила Йену про работу в составе Комиссии, когда увидела, как из воздуха в комнате воплотился предмет.

– Сейчас ты туда шагнешь, – инструктировал Эйдан устало. Он стал готов ко всему. Надеялся, что до прихода Дрейка успеет выпить. Хотя успеет и позже, если что. – Окажешься там, где хотела, память сохранишь.

Ей было страшно, ей хотелось пить и в туалет, но он ничего не позволил.

– И все изменишь, поняла?

Коротко дернулась голова.

– А я, – ее голос хрипел, – буду тебя помнить?

– Меня ни к чему. Все остальное – да.

– Это… больно? Неприятно?

– Шагай!

Комната от неестественного отсвета марева превратилась в кадр из фильма-триллера.

Он запомнил ее глаза – дикие, напуганные и благодарные. Собственный свитер, спускающийся ей до колен; босые ноги.

«Вот и покутил в баре разок, называется».

– Спасибо, Йен.

Во временной тоннель «лань» шагнула, зажмурившись и задержав, как водолаз, дыхание.

«Там не воняет, – думал Ллен отстраненно. – Наверное…»

(Tom Speight feat. Lydia Clowes – Save Tonight)

Наконец-то все завершилось. Он налил себе виски, сел в кресло, замер.

Дверь в кладовую вернула старое обличье, Лиза исчезла, в комнате теплый свет от торшера в углу – триллер закончился.

Ллену впервые стало почти легко. В пальцах прохладное стекло стакана, по горлу уже стекла алкогольная дорожка. Сегодня он будет спать спокойно, впервые за последние дни.

А через минуту прямо перед креслом появился Дрейк Дамиен-Ферно, босс и Начальник.

Все, как планировалось.

Ллен всегда ему удивлялся, такому простому на вид человеку, способному уничтожить полмира одним морганием. Они все были сложными и умелыми – Эйдан, Кардо, Дварт и Санара, – но рядом с этим тщедушным, на первый взгляд, мужчиной становились примитивными, обычными.

Человек в серебристой форме тем временем ходил по квартире. Долго смотрел на диван, где лежала Лиза, после перевел взгляд на дверь кладовой. И молчал. В этом молчании могло быть зашифровано что угодно – от создания в этот момент нового Уровня до разрушения старого. Но в одном Ллен был уверен наверняка – Дрейк все видит. Нет, не окна и стены квартиры на сорок второй, а то, как в баре Эйдан принял внешность Рихтера, как после трахал его подружку, как к вечеру того же дня сообщил ей неприятные известия.

Ллен пил.

И не нужно признаваться в том, что он взял Единый Ключ – Начальник только поэтому и прибыл. Скорее, нужно вспоминать отставочный код, код увольнения. Если произнести его до вынесения вердикта, значит, признаешь, что совершил ошибку и готов понести наказание. Наверное, это бы что-то исправило или смягчило, но Ллен не мог себя заставить, не хотел. Цеплялся за что-то непонятное.

Дрейк в конце концов повернулся, посмотрел неопределенно. К этому моменту он уже знал и историю, и предысторию, и предысторию предыстории.

«Удобно, – думал Эйдан, – хоть где-то рот лишний раз не открывать».

И заставил себя прочистить горло.

– Код увольнения… называть?

– А очень хочется? – спросил его человек в форме.

– Не очень.

– Тогда не называй.

И сам взял второй стакан, сам плеснул себе виски. Пригубил, поморщился от вкуса – мол, ничего дороже купить не мог?

Ллен в эту минуту ощущал себя провинившимся пацаном, всецело зависящим от воли учителя. И чувствовал, как одна часть желала валяться в ногах, скулить, вилять хвостом и просить прощения, а вторая просто ждала – глухая и немая. Не хотелось уходить с работы, из Реактора, от друзей. Совсем.

Начальник тем временем опустился в кресло напротив.

«Наверное, я его от чего-то отвлек. Не то важного, не то романтичного…» Одно ясно наверняка – Дрейк на восемьдесят процентов «не здесь». На лице ни злости, ни заинтересованности… Сплошное формальное равнодушие, мол, я должен был проверить, сам понимаешь.

– Она хоть того стоила? – спросил почти невпопад, и Эйдан впервые потупился, уткнулся взглядом в стакан.

– Она не была моей. Просто… девчонка.

«Я понял», – повисло в воздухе.

Наверное, ради «своей» сделать такое было бы логичнее, но Ллен до этапа нахождения второй половины пока не дожил. Что есть, то есть.

И впервые Дрейк жестко прицыкнул краем рта:

– От доступа к Единому Ключу я тебя отлучаю на год.

Эйдан продолжал смотреть в стакан.

«Справедливо».

– Так что, если вляпаешься в критическую ситуацию, выбираться из нее будешь сам.

«Без прохода».

Куда больше Ллена страшили любые дальнейшие слова.

Начальник думал о чем-то своем – рассеянный, настроенный на другую волну.

«Может, его ждут где-то там, далеко отсюда?»

– И да, – очнулся тот от собственных дум, – в неоплачиваемый отпуск ты все-таки идешь. На пару недель точно.

Сказал. Поставил стакан с недопитым виски на стол. И исчез прямо из кресла.

А руки у Ллена дрожат, как у старика – обошлось. Он даже выдохнуть пока не смел, сам еще не верил, что обошлось. Отпуск – это же отлично! Он отдохнет, отоспится. Год без Ключа? Жил без него раньше, проживет и дальше.

– А-а-а-а-а! – зарычал хозяин квартиры радостно и неопределенно. Влил в себя залпом содержимое стакана, откинулся на кресле и рассмеялся пустой квартире.

Эпилог

(HAEVN – Where The Heart Is)

Лиза не знала, что день – насквозь знакомый день – можно видеть иначе. Что можно стоять у окна и впитывать в себя солнечный свет каждой порой, каждой клеткой кожи, слышать гомон однокурсников, шорох их подошв по мраморному полу… Что можно настолько жить. Свежий воздух из приоткрытого окна, как волшебный ветер счастливых перемен.

Она все помнила, все до мельчайших деталей. Человека из бара, выглядящего как Макс, помнила, какую беду пережила, когда узнала о собственной измене, а после чужой смерти, помнила дождь и крышу. Как сон. Только лицо того, кто отправил ее назад, расплывалось, не уловить. И голос его ускользал из памяти, будто затерся.

– Давай на обед в кафе через дорогу…

Эту фразу Кэтрин уже произносила раньше. Сейчас ей ответит Энтони.

«В бургерной картошка лучше…»

И спустя секунду.

– В бургерной картошка лучше.

Будто замедленная съемка… Это новая жизнь. Кристально ясная память, удивительно чистое восприятие происходящего; Лизе казалось, что она впервые по-настоящему проснулась.

Когда сзади к ней подошел Крис со словами:

– Дай-ка я тебя…

«Поцелую».

…То с прицельной точностью налетел на женский кулак. Удивительно сильный, недрогнувший, разбивший Оукману нос.

– Эй! Больная, что ли?! – заорал тот, кто в другой жизни успел чужую девушку поцеловать. Хохотала Кэтрин, округлив глаза смотрели подружки Жаклин и Тэрри, крутил пальцем у виска Энтони, друг Оукмана. Кровавые капли на модном белом поло, прижатый к лицу кулак. Крис брызгал негодованием и ругательствами. А в конце коридора с цветами стоял Макс…

– Пообещай мне одну вещь, – шептала Лиза, обнимая теплую «живую» шею. Она никогда не знала, что можно настолько сильно наслаждаться теплом кожи. – Обещай, чтобы мы дожили до «долго и счастливо».

– Что?

Светлые вьющиеся волосы, идеально сидящий в плечах пиджак.

– Никогда не садись за руль пьяным, понял? Никогда!

Насела, надавала, зацементировала без права на выход, если не согласится.

– Да я и не собирался…

– Неважно. Скажи: «Обещаю!»

Пауза.

– Обещаю.

Он всегда держал слово. Слишком высоко ценил собственную честь, серьезно относился к тому, что говорил, ее Макс. Ее любимый, живой, здоровый и невредимый Макс. Сон все дальше; Лиза уже шагнула в другую жизнь, как в реку. Обняла того, кто стоял напротив, так крепко, насколько хватило сил.

– Ты чего? – спрашивали ее тихо. – Слушай, я бы тоже по носу отхватил, если бы не вовремя тебя поцеловал? Как этот.

Ей было смешно, у нее в глазах стояли слезы. Теперь она будет живой всегда, он тоже. Они вместе будут чувствовать этот ветер, солнечный свет, будут обниматься до скончания века. Никогда и ни за что она больше не отнесется ни к чему, как к данности, как к «обычности», будет помнить про чужую щедрость, знать, что мир не без добрых людей, что каждый момент неповторим.

«Спасибо, Йен…» – неслышно неслось ко всем сразу дверям, которые, как она теперь знала, могли превращаться во временные Порталы.

«Спасибо».

Конец

Досрочный Переход

От автора: этот рассказ – мой эмоциональный ответ на роман Шеррилин Кеньон «Танец с Дьяволом». Одной из двух книг в моей жизни, заставивших меня плакать.

Она выглядела обычной, на первый взгляд «ничего особенного». Робкая девчонка, как и все, кто входил в это крыло, потерянная, что нормально для людей, попавших на закрытую территорию Комиссии.

До того, как она вошла, Стейн Реннер-Эст – начальник Отдела Переходов – скучал. Читал сводки новостей в плывущей по воздуху ленте, скроллил графики энергетических всполохов – его любопытство привычно искало, за что бы зацепиться. Отдел тихий, почти стерильный – Право на досрочный Переход люди запрашивали крайне редко, не тянули сложный процесс. Боялись его.

И правильно делали.

Шутка ли, проверить себя на соответствие фону следующего Уровня, когда недонабрал опыт? Проверка болезненная, для физических тел людей жесткая; нужна веская причина, чтобы сунуться сюда.

Эта сунулась.

И чем больше сокращалась от ее неуверенных шагов между ними дистанция, тем больше он о ней знал: имя, рост, вес, место проживания, регистрации, заработки, штрафы – последние два пункта, кстати, отсутствовали. И если со штрафами все было понятно, то почему за последние три месяца у Эбби Кэндис – обладательницы странного и несуразного имени – отсутствовали доходы? Любопытство Стейна лениво колыхнулось.

«Эбби». Ладно, с именем он был согласен – худая, волосы светлые, кожа белая, тонкая. Но «Кэндис»? «Конфетного» в ней не было ничего (*игра слов при переводе с англ. – здесь и далее прим. автора) – ни цвета, ни запаха, ни яркости, ни вкуса. Скорее, Эбби Кэндис напоминала ему мятый лист бумаги, очень тонкий, похожий на копирку.

Навстречу он вышел, привычно сложив руки на груди.

Его вид пугал. Любой Комиссионер пугал человека фоном, способностями, умением видеть насквозь и воздействовать на расстоянии. Эта тоже смотрела на него со страхом, но вперед двигаться продолжала. Он знал, что она видела – крепкого мужчину в серебристой одежде, не перекачанного, но жилистого (это чувствовалось и под одеждой), выше ее на голову, с внимательным взглядом-сверлом. Обманчиво-мягкого внешне, но жесткого, если копнуть внутрь на сантиметр. Они все были такими, Стейн не исключение. Русые волосы, приятное лицо, если приятным вообще могло быть лицо с глазами, которые светят потроха насквозь. Жестковатый рот, прямой нос, мужественная линия челюсти. И, если бы не вежливая улыбка, застывшая на его губах, она, возможно, вообще до него не дошла бы.

– Чем могу помочь? – спросил он, намеренно упустив приветствие. Быть может, девчонка заблудилась (маловероятно, но всякое бывает), быть может, свернула не туда – мало ли.

– Здравствуйте. – Ее голос тихий, как и вид. – Я хочу попросить… о праве… на Переход. Это здесь?

Значит, все-таки к нему.

– Здесь.

Он иногда любил гадать, зачем люди совались в этот отдел, что двигало ими, знающими, что будет больно? Безответная любовь? Навалившаяся после раннего Перехода близкого человека разлука? Скука на текущем Уровне?

На скучающую Эбби не походила. На влюбленную, как ни странно, тоже. Потеряла ценные бумаги, деньги, которые вор унес «наверх»? Бросила подруга, просто проснулось любопытство «а как оно там, дальше»?

Глаза темно-серые, большие, но Кэндис казалась ему выщербленной, странно-выскобленной изнутри. Выгоревшей, но без пепла, побелевшей после того, как этот пепел смело в сторону ветром – странная ассоциация. Эст – именно этим именем его чаще всего называли коллеги – считывал ауру напрямую. И она ему

неуловимо не нравилась. Ненормальная, слишком ровная. Обычно люди более эмоциональны.

– Что вы знаете о процессе досрочного Перехода?

Молчание.

– Только то, что он возможен.

«Кто ей об этом сказал?»

– Возможен. Но он чреват смертью.

«Если вы не прошли ситуации, которые должны были пройти, если не набрали необходимый опыт, формирующийся на основе сделанных вами выводов и принятых решений, вы не претерпели энергетические трансформации в нужном объеме. И значит, не будете соответствовать вибрации следующего Уровня» – он мог бы все это ей объяснить, рассыпаться, как соловей, или же прочитать нудным голосом наизусть из устава.

Но она просто кивнула.

– Мне подойдет.

Сказала это так, будто на сдачу в супермаркете он предложил ей жвачку.

Подойдет…

«Знаешь ли ты, как будешь болеть и корчиться от каждой волны, которую я буду вливать в тебя? Мужики не выдерживают…» Соответствие вибраций – необходимое условие для перехода. Приглашение «наверх» не просто бумажка. Оно не приходит абы кому угодно, но люди едва ли догадывались, насколько математически точно все должно соответствовать.

– У тебя еще есть шанс уйти. Иначе будет больно.

Он был разговорчив. Ему было скучно.

– Я… буду пробовать.

Какое-то время они смотрели друг на друга; Эст удивился тому, что нутро у нее больше не дрожит – зачах вырабатывающий энергию мотор.

– Ты обедала?

В ее взгляде мелькнуло удивление, почему-то растерянность.

– Н-нет.

– Вода?

– Один стакан.

– Пей еще.

Он указал ей на кулер и снова удивился тому, что Эбби на него не смотрела – как будто на него, но как будто мимо. Как будто вообще мимо этого мира.

Что ж, если она хочет собой рискнуть, ему нет до этого дела. Выживет – выживет. Перегорит – перегорит.

Когда она двинулась туда, где на тумбе-подставке стоял бутыль с водой, приготовилась пить, он пояснил:

– Сядь на кушетку после. Я подготовлю оборудование. Позову.

Что ж, хоть какое-то развлечение на сегодня. Смотреть, как корчатся человеческие составляющие под прессом Комиссионерского фона, интереснее, чем читать статистические данные других отделов.

Стейн принялся бегать пальцами по клавишам широкого пульта; загорелся экран. Зажужжал, набирая обороты, встроенный в стены поглотитель D-лучей,

ему тихо завторил излучатель-стабилизатор фонов.

«Мошка, насаженная на электрическую сетку» – именно эта ассоциация пришла ему на ум. Именно это он увидит в следующие пять минут.

* * *

Спустя несколько минут она сидела напротив, разделенная с ним узким столом и прозрачным экраном, который видел только Стейн.

– Готова?

К этому нельзя стать готовым – не к подобному объему боли, – но он должен был вопросом ознаменовать для нее «старт».

– Да.

Не ответ, шепот губ.

– Тогда начинаем.

И он собой – Эсту не требовалось оборудование – начал нагнетать для нее измененное вибрационное состояние, соответствующее фону следующего Уровня.

Девчонка вздрогнула. Сжалась. Ее нервные окончания моментально наэлектризовались – «первая волна дошла». Самая мягкая, пробная. Коснулась человеческой кожи, мышц, клеток, влилась в чужое тело и там расплылась.

Стейн же читал данные с экрана: пульс учащенный, но в пределах нормы, сердце функционирует нормально, легкие тоже. Не то, чтобы ему требовалось это знать – реанимационная помощь в случае отказа систем при Досрочном Переходе не предусматривалась, – но он любил понимать, чувствовать течение процесса. Сосуды головного мозга чуть расширены – скоро они начнут спазмировать, когда первая волна сменится третьей.

– Просто дыши, – посоветовал он сквозь невидимую перегородку.

Эбби втянула воздух, вытолкнула его назад.

Пошла вторая волна.

Он знал, как это ощущается – клетки начинают гореть. Внутри расплывается болезненная клякса, занимает собой все пространство, на пике, длящемся пару секунд, лишает способности двигаться, мыслить – остаются только рефлексы. Нервные окончания, не привыкшие проводить иной вибрационный фон, плавятся, как провода старой проводки.

«Зря ты пришла».

«Наполнение 10 %, – сигнализировал экран, – 11 %, 12 %…»

Ей все больнее – Стейн, содержащий излучения всех уровней сразу, наполнял ее собой. Старался мягко, без ударов. Все ждал, что сейчас начнутся стоны (у иных с первой секунды визги, ор, слезы, судороги), но белокурая Кэндис стойко молчала, только бледнела, плотнее сжимала губы.

«Она привыкла к боли», – подумал он невпопад и зачем-то запросил скан ее эмоционального состояния. Удивился, получив ответ: агрессия почти нулевая, неадекватность минимальная, риск психологического срыва низкий. Вроде бы все хорошо. Но что-то ему не нравилось.

Следующая волна – Эбби накрыло плотнее. Он проникал в нее, как и во всё в этой изолированной комнате, подобно радиации – от Эста ни спрятаться, ни скрыться. «Голый» фонящий Комиссионер – это галогенная лампа, льющая вовне поток измененных по структуре протонов. Это куда хуже радия, хуже полония. Если бы он сбросил сейчас с себя всю защиту, она бы спеклась очень быстро. И потому дозирование до микрона, чтобы не сбить чужую систему, чтобы максимально не нарушить ее.

Ни звука по ту сторону стола, лишь сбоит чужое дыхание, лишь сжаты в кулаки ладони и вид, как будто подушка кресла теперь покрыта гвоздями.

«Больно, я предупреждал», – сообщил он глазами. Эбби привычно смотрела не на него, насквозь, и Эсту опять подумалось, что глаза у нее выцветшие – не радужки, но взгляд. Ей все хуже, все больнее. А он никак не мог найти то, что скребло его по затылку невидимой лапкой.

«Кислородное насыщение в норме, электрическая проводимость соответствует текущему моменту» – куда он не посмотрел?

Когда она в первый раз зажмурилась от агонии – очередное «вливание» обожгло ее на пике лавой, – Стейн спросил:

– Ты его любишь?

«Это все стоит того?»

Открыть глаза стоило ей усилий. Понять его вопрос еще больше.

– Кого?

– Того, к кому идешь?

– Я…

Он специально придержал накат, чуть усмирил собственный фон – хотел услышать ее ответ.

Эбби выдохнула. Почувствовала, что ей позволили дышать, что ее отпустило.

– Нет, – отозвалась, когда поняла, что вопрос Комиссионера без внимания оставить не получится. – Я никого… не люблю. А хочу увидеть этого человека…

И она трясущейся рукой достала помятый посередине прямоугольник картонной визитки.

Ему не нужно было приближаться, чтобы считать данные.

«Арчер Делавер». Физический возраст около тридцати четырех земных лет, внешний вид, телосложение… – все крайне обычное, даже заурядное. И да, действительно, он находился сейчас там, куда она столь упорно стремилась попасть, на следующем Уровне.

– Зачем?

Ему необязательно было спрашивать, но вперед вела интуиция.

– Он… как-то помог мне. Сказал, что, если нужна будет помощь…

– Тебе нужна помощь?

– Нет… Я просто… хотела сказать ему «спасибо».

– За что?

– За то, что он… накормил меня однажды.

Ответ на несколько секунд погрузил Эста в вакуум. «Спасибо» за еду? И нужно переживать полный сбой системы, чтобы передать одно слово? И ведь «неадекватность» отсутствовала – система не ошибалась.

Он вдруг понял кое-что. Почему-то понял это только сейчас – Эбби дрожала в кресле мелко, так, словно ее подмораживало. И тут же сделал новый мысленный запрос: «Общее состояние сил».

И получил ответ-цифру, от которой выдохнул сам – крайне низкое. Энергетический запас слабый, истощение. О каком Переходе может идти речь?

– Когда ты в последний раз ела?

Придавил «волны» совсем, совершил откат процесса – невозможно его завершить благополучно, если человек истощен. Не нарушил инструкцию, но подошел к этому близко – ему следовало просканировать этот фактор сразу, кто же знал, что в крыло пожалует голодающий.

В ответ тишина.

– Я спросил…

– Можно мы просто будем продолжать? – перебили его тихо.

– Ты в игры играть задумала? С Комиссионером? – В его голосе звякнула сталь. Она звякнула в воздухе, во всем кабинете – Эбби внутренне сжалась. – Когда?

– Я… не помню.

Он бы выругался. Только не имело смысла.

– Выходи из-за стола, – приказал коротко, – садись на диван.

Указал взглядом на узкую кушетку вдоль стены, сам пошел к холодильнику. Вот о чем бы он сегодня никогда не подумал, так это о том, что человека, пришедшего совершать Переход, придется кормить.

– Я смогу… так.

Она не хотела его брать – упакованный в полиэтилен сэндвич, который он для нее нашел.

– Не сможешь. – Мог бы передать ей в голове статистику и цифры, как коллеге, просто передал бы. – Сдохнешь если не на пятой волне, то на пятнадцатой.

«Может, прогнать ее взашей?»

Право на это он имел тоже.

Сидящая на диване девчонка смотрела на еду странно, как на пустое место. Без неприязни, но и безо всякого желания. Нормальный, между прочим, сэндвич – брал для себя. Их отлично кормили в Реакторе и без дополнительных «докупок», но этим утром он зачем-то завернул в магазин, выбрал свежую булку с

прослойкой из помидора, майонеза, огурца и ветчины. Захотелось.

– Я не буду повторять приказ дважды.

«Ешь».

Ее руки до самых запястий укрыты рукавами светлой блузы – несвежей и откровенно мятой.

– Я не смогу…

– Значит, мы закончили.

– Нет, подождите, вы не поняли… – У нее не было никаких внутренних сил с ним бороться, да и не вышло бы, даже если бы система выдала наполненность ее ядра в сто процентов. – Я не смогу, он большой…

«Она давно не ела».

И нет, сэндвич не был большим, скорее, меньше среднего. Для мужчины так и вовсе «скромным».

– Тогда процесс прерываем.

– Нет, пожалуйста, я… съем. Сколько смогу, ладно?

Он не ответил.

Эбби ела, как человек, который не видел еды очень давно. Который забыл ее вкус и запах, как тот, кто успел разлюбить ее, потерять в ней смысл. Равно как и во всем другом. Просто откусить, потому что так нужно, просто прожевать, просто проглотить. Калории не важны, силы не важны, важно только передать этому Арчеру «спасибо».

Стейну вспоминались солдаты, вернувшиеся с войны, из плена вражеских лагерей.

– Тебя мучили? – спросил он вдруг без всякого смысла и увидел – успел заметить, – как в серых глазах мелькнула паника. Та самая, побелевшая от ужаса, неконтролируемая, которая случается у долго страдающих людей. – Били?

Она жевала теперь быстрее, по крайней мере, старалась. Это позволяло ей не отвечать, это вселяло надежду, что вскоре они просто снова перейдут к процессу. В какой-то момент закашлялась – он налил ей воды.

И принялся сканировать другое – ее кожные покровы под одеждой. Не стал бы, если бы не закрались подозрения, но теперь стальное любопытство вело его вперед цепкими когтями. И да – Эст втянул воздух, когда увидел то, что увидел, – шрамы у Эбби имелись по всему телу. На руках, бедрах, спине, животе, даже в подмышечных впадинах. Некоторые относительно старые – месяца по три от роду, – некоторые недельной давности, «свежак». А еще следы от многочисленных побоев. И пусть от некоторых из них остались только энергетические синяки, давность никак не влияла на его способность видеть.

И теперь Стейн внутри заиндевел.

– Откуда шрамы?

Она отвернулась. Она молчала, конечно же. Она съела почти все, смогла. Понимала, что от ответа уйти не удастся, поэтому попросила тихо, бесцветно:

– Пожалуйста, не давите. Я не хочу… об этом говорить.

У Эста по позвоночнику ползли стальные нити.

– Я могу вывернуть твою память наизнанку.

«Можете». Она знала об этом, была заранее согласна с объемом его способностей. Но вместо этого спросила:

– Они ведь не мешают нам продолжать? Теперь… можем?

«Какого черта!» – усмехнулся Стейн мысленно. Не его жизнь, не его дело. Его – Переход.

– Теперь можем, – обронил он сухо.

И взглядом указал ей на стул.

Он стал чрезмерно любопытен. Десятки лет одних и тех же действий, выученных наизусть, одних и тех же «пейзажей» и активностей заставили его разум пожелать расширить границы опыта. Неважно как. И вот явилась она. Пусть всего лишь очередной гость крыла, номерок из списка людей, пожелавший досрочно покинуть Уровень – для Эста Эбби Кэндис явилась разнообразием, позволившим ему покинуть знакомые берега рутины. Всего лишь на один день. На час.

Запас ее сил прибавился незначительно, но нижнюю границу допустимого значения перешел, и теперь Стейн «жарил», как положено, нагнетал чужеродные помехи; Кэндис плавилась.

Она дышала, как на родах, если бы помнила, что это такое, находясь на «Уровнях» – Эст в своем многомерном восприятии помнил. И наблюдал за прерывистыми вдохами, задержками дыхания, «пиками», судорожными выдохами. Теперь он «пёк» не останавливаясь. Подлавливал моменты передышек, закидывал вопросами, и для Эбби, находясь на полном взводе всех систем, отвечать было крайне трудно.

– Кем ты работала последние три месяца?

– Никем.

Ей бы не удалось сейчас врать, даже если бы захотелось. К тому же ложь он бы распознал.

– На что ты жила?

Молчание. Сжатые от боли зубы, сжатые челюсти – воздух по ту сторону экрана мерцал.

– Ни на что.

– Чем питалась?

Он сознательно на нее давил, и момент для этого был выбран крайне неудачный для нее и удачный для него.

– Разным…

Она не собиралась ему открываться, она тщательно оберегала некую мрачную тайну, и Эст никак не мог понять, нравится ли ему играть в обычного детектива. Он мог бы поиграть и в обычного «бога» – нырнуть в ее голову, вычислить подробности быстро, но не торопился с этим. Его любопытство давно спало, теперь же проснулось и жадно утоляло голод.

Очередной накат волны; у Эбби в глазах начали лопаться капилляры.

Как в отсеке рядом с ядерным стержнем – вот как она сейчас выглядела.

– Откуда шрамы?

Молчание. Упорное. Собственно, теперь отвечать ей банально не хватало сил.

Пятьдесят два процента наполненности чужеродной энергией. Пятьдесят три.

Он вдруг сделал еще один запрос в систему: «Ее желание жить».

И получил ответ, после которого моментально поставил на паузу процесс слияния фонов. А через секунду отключил его вовсе.

«1.26 %».

Желание жить всего 1.26 % – эта цифра, стремящаяся к нулю.

– Все. Мы закончили.

Эбби, выглядящая так, будто находится на все еще жгущем задницу электрическом стуле, смотрела без понимания.

– Почему?

Ее голос хрипел – повредилась ткань связок. У нее повредились все ткани.

– Потому что ты не выживешь.

– Я…

«все равно хочу попробовать…» – он знал, что она скажет в следующую секунду.

– Ты пришла сюда умирать?

– Н…нет.

– А выжить ты не сможешь. Это статистика. Ты не перейдешь – это мой вердикт.

«Не готова».

Она действительно не была готовой. Какой бы опыт Кэндис ни приобрела на текущем этапе своей жизни, его не было достаточно для полноценного Перехода.

К тому же Стейну только что пришел сигнал о том, что его ждут на собрании в четвертом корпусе – общие вопросы, повестки, задания. Явка обязательна.

Эбби, помятая настолько, насколько можно было быть помятой после встречи с катком, который проехал по твоим внутренностям, продолжала сидеть на стуле.

– Свободна, – отрезал Эст. – Иди домой.

Она снова на него не смотрела. В ее глазах не упрек, но отчаяние – настоящее, глухое. Свое «спасибо» она не передаст. В ней надламывался некий последний смысл.

Может, он и разобрался бы в этом всем, если бы было время, но времени не было.

– Поднимайся, – приказал он. – Мне нужно уходить.

– Мы… попробуем… завтра?

Странное упорство. Пусть для начала попробует выжить сегодня.

– Через месяц, – соврал он, не моргнув глазом. Пусть многократно поест, выспится, а там, глядишь, проснется в ее голове и адекватность.

Ей было больно идти. Очень. У нее не слушались ноги, на нее накатывала тошнотворная слабость, но Кэндис – эта странная девчонка, до сих пор вызывавшая в нем смешанные чувства, – поднялась и пошла.

Дважды она чуть не упала, тормозила, держалась за стену. Помощи не просила и не ждала ее. Ей потребовалась почти минута, чтобы преодолеть коридор длиной в десять метров. Минута, во время которой Эст сверлил ей взглядом спину.

На улице было свежо; пятый час вечера.

Лето, даже в моменты похолодания, оставалось летом, и, толкнув дверь наружу, Стейн какое-то время просто дышал. Наверное, втягивать ноздрями мокрую влажность листьев можно бесконечно. Эту сырость асфальта, этот идущий на убыль городской день. До четвертого корпуса можно было добраться через Портал, но Эсту хотелось пройтись пешком до стоянки, завести автомобиль, вырулить на дорогу. Постоять на светофоре, посмотреть, как бороздят по лобовому стеклу дворники. Он слишком много времени проводил внутри, и ему

нравилось снаружи.

Он бы дошел до автомобиля, да.

Но он ощутил след Эбби, уводящий не прочь от Реактора, как должен был, а в сторону.

Стейн двинулся по нему, как пес.

Она сидела, привалившись спиной к стене там, где у здания образовывался вогнутый внутрь прямой угол, «карман». Никем невидимая за кустами, еще более бледная при дневном свете, нежели в лучах софитов его кабинета. Сидела прямо на бетоне, ноги поджаты – «нашла себе убежище».

Он остановился напротив.

– Эбби…

Она посмотрела так, будто травля была привычным для нее делом. Да, ей снова нельзя, ей снова не место, она снова все делает не так. И более всего от нее разило желанием «оставьте меня в покое».

– Здесь нельзя сидеть.

Если ее увидит кто-то другой – не Эст, – разговор будет жестче. Комиссия не орган правосудия, нет. Но он становится органом справедливости или «не» справедливости, если кто-то нарушает заведенный порядок, пусть даже последний для людей не прописан.

– Я уйду, – ответила она тихо. – Пока… плохо.

– Иди домой. Поешь. Отоспись. Вернешься через неделю.

Снова вранье.

Ей тоже нравился запах травы, влажной земли. И этот мелкий дождь – Стейн чувствовал ее флюиды. Ей нравился, насколько мог, этот день и даже этот тихий угол.

– У меня нет следующей недели.

Ему было некогда. Но она достала из кармана сложенный вчетверо белый лист бумаги, и Эст с удивлением почувствовал на расстоянии голографическую печать Комиссии. Постановление? О чем?

Он протянул руку, и лист коснулся его пальцев.

Уведомление.

«Деструкто 1906…»

Ему хватило заголовка, чтобы временно забыть о собрании, до которого осталось двенадцать минут.

«Деструкто 1906» – код, говорящий о том, что человек подлежит аннигиляции. По-простому – стиранию с Уровней ввиду того, что закрылся для получения любого нового опыта и потому стал «бесполезен».

Завтра в десять вечера Эбби Кэндис сотрут. Да, верно, при ее желании жить в один процент система не могла принять иного решения.

Так вот почему она желала попробовать совершить еще один Переход с утра, вот почему «не через месяц». У нее даже двадцати четырех часов нет.

Стейн просто стоял на месте. До собрания одиннадцать минут, десять; Кэндис сидела с закрытыми глазами. Ей было чуть легче на свежем воздухе, но все равно плохо. Она не ждала слов от стоящего напротив, она желала тишины и напоминала ему собаку, получившую слишком много побоев. Стала «несовместимой с жизнью».

В нем колыхнулось желание во всем разобраться, копнуть глубже. Но если он сейчас не двинется с места, то опоздает в отдел.

– Тебе нужно отсюда уйти.

– Я уйду. Обещаю.

У Стейна не клеилось в голове – как можно сидеть на асфальте? Он может регулировать температуру своего тела. Она – нет.

Часы тик-так. Ему пора. Он собирался развернуться, когда она прошептала:

– Спасибо… за всё.

За что? За то, что усугубил последние сутки ее жизни, добавив в них тонну боли?

– Пожалуйста, – сухо обронил он и направился к автомобилю.

Она умрет. Он думал об этом, пока его руки лежали на руле, пока автомобиль стоял на светофоре. Что-то в ее прошлом слишком сильно покалечило внутренний стержень, и его остатки держались на желании сделать нечто напоследок – передать Арчеру Делаверу «спасибо».

Стейн даже вызвал его образ в воображении, осмотрел воочию – плотный мужик, рыхлый, с небольшим пузиком. Рост сто семьдесят; здесь работал рядовым клерком, на новом месте еще не устроился – тратил положенные за Переход бонусы. Не слишком сильный характером, но и не трус. С усами, но без бороды. А также пока без личных отношений, почти без болезней и друзей – в общем, пустое для Стейна место. Но не для нее.

О том, что Эбби отморозит себе зад (хотя при проценте в 1.26 ее это вряд ли волнует), он думал уже на собрании, пока вещал с помоста заведующий корпусом. Рассказывал про скорую смену обязанностей, перетасовке кадров в отделах – Эст его почти не слушал.

Если… «Когда» – поправил он себя. Когда Эбби сотрут здесь, когда она попадет в свой родной мир, она умрет в нем тоже. Сработает тот же процент – 1.26, – слишком низкий для выживания. Все вселенные, все миры устроены одинаково –

игровые площадки отторгают игрока, который не желает продолжать игру. Она попадет под машину, окажется убитой шальной пулей, неудачно поскользнется на льду и расшибет себе голову – неважно как…

Она просто болтик в ладном ходе колеса его будней, маленькая помеха. Он перекрутит ее, как пыль, как несущественную помеху. Завтра уже забудет.

Но думалось о другом – в нем клубилось желание разобраться, что-то понять. Комиссия не структура возмездия, она наблюдает лишь за тем, чтобы каждый человек, попавший на Уровни, имел возможность получить здесь опыт. Любой опыт, в том числе и неприятный. Ни за кем не следят двадцать четыре часа в сутки, никому не запрещают криминал до тех пор, пока «око богов» не падет на «мошку, слишком сильно загрязняющую окно». По-иному: «Гадь, но до тех пор, пока тебя не заметили». А уж если заметили…

И она сидела возле здания не потому, что ей было плохо. Не только поэтому. Но потому что ей некуда было идти – Стейн втихаря и прямо на собрании, что запрещалось, дал системе еще один запрос по поводу адреса регистрации Эбби. И получил развернутый ответ:

«По улице Вацеко, строение двадцать четыре, квартира шесть проживает некая пара – Ванесса Льеж и Дуглас Кеннар». Когда-то подруга прописала Эбби к себе по просьбе последней – сложные, замороченные людские отношения Эст вытянул из облака данных, – но Кэндис никогда не проживала по указанному адресу. Тогда где?

Одно он знал наверняка – он должен получить ответы на свои вопросы. Их стало слишком много, и они разбудили в нем зуд, желание знать.

Отсидев на мягком стуле еще минуту, Стейн сделал то, чего не делал ранее никогда – дал системе оповещение «0249». Сообщил код «непредвиденных обстоятельств», после чего, прямо посреди речи оратора и под его же внимательным взглядом, поднялся со своего места и покинул зал.

Да, ему за это назначат проверку.

Будет еще одно разнообразие в скучных буднях.

Она сидела там же, и она замерзла. Впала практически в анабиоз, не укуталась даже в собственные руки, как должна была, просто «спала», привалившись к стене. «Замерзала изнутри».

– Вставай, – приказал он, когда приблизился к ней, приказал привычно жестко.

Глаза Эбби распахнулись, и в них мелькнула паника: «Ее предупреждали. Она не ушла».

– Простите, я уже… – Все еще слабая, как вывалившийся из гнезда птенец, она пыталась опереться на руки, но не могла – не держали ни локти, ни колени. – Я сейчас… Уйду…

– Дай мне руку.

Прежде чем протянуть ей ладонь, Стейн позаботился о том, чтобы его кожу укрыли тонкие, но плотные серебристые перчатки. Защита.

Сам помог ей подняться, сам повел к выходу, как она думала с территории Реактора. И вздрогнула, когда ее подвели к машине.

– Садись внутрь.

– Я… не…

– Садись, я сказал.

Он не знал, что именно она желала возразить. Быть может, она не желала его злить неподчинением, или же хотела напомнить, что у нее в запасе есть еще несколько часов до деактивации, и ей совсем не хочется садиться в автомобиль, раньше времени везущий ее на казнь.

Эст просто захлопнул пассажирскую дверцу, просто сел на водительское место и завел мотор.

* * *

– Расскажешь сама?

Она сидела там, куда он ее усадил – на кушетке в его гостиной. И ответа он, конечно же, не дождался.

Приложил руку в перчатке к ее груди, не спрашивая разрешения, и Эбби вздрогнула, хотя никакого сексуального подтекста в касании не было. Просто ладонь, лежащая вертикально на уровне сердца, пальцы касаются шеи – в нее потекла мягкая энергия.

– Что… вы…

– Просто посиди.

Он давал ей «успокоительное». Принудительно расслаблял, одновременно вливал спокойствие, силы, залечивал нервные окончания. Потому что сейчас ей снова придется несладко, потому что он должен посмотреть.

Дождь за окном так и не разошелся, но продолжал моросить. Серо. Его дом большой, красивый – ей в нем было неуютно, она чувствовала здесь себя куском неприглядной штукатурки на фоне белоснежного мрамора. Стейну хотелось выяснить почему.

– Эбби.

Она посмотрела на него – все такая же усталая, как прежде.

– Сейчас я «вскрою» твою память. Увижу то, что хочу увидеть – не сопротивляйся. – Он минимизирует боль, насколько сможет. Всю нет, частично. – Будет неприятно.

– Я привыкла. – Он удивился тому, что она вообще ответила. И нет, привыкнуть к неприятному невозможно, возможно попробовать приучить себя к мысли об этом. – Зачем… вам это?

Ей было страшно, что, пошевелив болезненные пласты, он заставит ее еще раз прожить их, и Эст пояснил:

– Ты «там» снова не окажешься. Только я. – Момент «зачем» он сознательно упустил. Потому что он так хотел, потому что так надо. – Смотри на меня.

Комиссионерский вход в человеческую память ощущается людям вторжением плавленого скальпеля в черепную коробку. Белокурая и измятая Кэндис дернулась и всхлипнула, когда он это сделал, когда положил руки на ее щеки, сжал их.

– Терпи.

И он вошел, погрузился. Видел одновременно расширенный от страха зрачок ее глаза, живую серую радужку, а также чужое прошлое. Максимально быстро переместил себя по временной ветке вглубь на три месяца назад, принялся выхватывать лишь необходимое, чтобы не усугублять повреждения. Чем дольше он внутри ее головы, тем Эбби больнее, тем дольше после придется восстанавливаться.

Эст искал прицельно.

И нашел.

Эбигейл Кэндис, ассистент в обувном магазине в прошлом. Все как у всех – друзья, подруги, походы в кино, в гости, редкие вечеринки. Нормальное состояние души; всегда преимущественно хорошее настроение. Встречи с парнем по имени Гил, поцелуи после ресторанов, надежды на совместное будущее.

Цепь неприятностей началась тогда, когда Кэндис и Гил съехались. Это произошло четыре месяца назад.

А через месяц он «отжал» у Эбби жилье. Жилье, положенное ей после перехода Комиссией. Просто привел друзей, просто сказал подруге «выметайся». И Эбби

не нашла того, к кому обратиться за помощью. Кантовалась по знакомым, чтобы не спать на улице, из-за нервного срыва была уволена с работы, плакала по ночам. А после посетила злополучный бар «Розмари».

Нет, сам бар оказался нормальным, и тот факт, что она в нем перебрала, не был обусловлен неприятными происшествиями или неадекватными новыми знакомыми. Просто нервы, просто горе нужно было «запить».

Позже взятое на последние деньги такси до подруги.

Такси…

Вот с него и начиналась «точка ноль» – фатальный разворот во тьму.

Эбби под ладонями Стейна вздрогнула еще раз – ей было больно, ей жгло глаза, в них рвались капилляры.

– Терпи.

Он залечит их после.

Таксист, относительно молодой парень по имени Бо Харкинс, оказался маньяком. Начинающим «талантливым» новичком. Он давно искал себе жертву, присматривался, принюхивался, и уснувшая на заднем сиденье Кэндис оказалась идеальной кандидатурой – пьяной и беспомощной.

Он увез ее в загородный дом. Держал взаперти. Не насиловал, но унижал морально, словесно, заставлял перед ним пресмыкаться, а когда Эбби сопротивлялась, подвешивал ее в подвале на цепи, на крюки, где она проводила по несколько суток кряду. Не ела, почти не пила, даже спала с руками, задранными вверх…

Эст шумно втянул воздух – девчонка под его ладонями дрожала. Наверное, он сжал ее щеки слишком сильно.

– Еще минута, – сухие слова, как в кабинете хирурга, оперирующего без наркоза.

Спать в подвешенном состоянии? Когда уже не в силах стоять, когда подкашиваются ноги? Ее крики и слезы провоцировали в Бо желание бить. Он получал от этого удовольствие. После начал резать ее ножом – вот откуда шрамы…

Три месяца надругательств – моральных и физических. За три месяца прожившая в доме у северного моста Эбби превратилась из солнечного человека в сломанную куклу. На свободе она оказалась по случайности – когда затопило подвал, когда Харкинсу пришлось снять ее с цепей и переодеть, чтобы ничего не заподозрили коммунальные службы.

Вот тогда она и сбежала, попросилась в туалет. Все на последних силах…

Эст торопился. Его взгляд внутри ее головы ощущался Эбби сверлом.

– Я почти закончил.

Дальше урывками.

Канавы, лесополоса, дикий холод – Бо ее искал, шел следом. Но Кэндис удалось ускользнуть лишь потому, что она свалилась вместе с грязевым потоком в обрыв. А Делавер – тот самый Делавер, которому ей хотелось сказать спасибо, – наткнулся во время утренней пробежки на Кэндис в лесу возле парка. Хоть и порядочно напугался «встрять в дурное», накормил незнакомку, отвез ее в центр помощи бездомным, оставил свою визитку.

А после Эбби – убитой изнутри и снаружи – пришла бумага о «деактивации». Потому что истощились моральные силы, потому что за три месяца – девяносто дней агонии – можно убить почти любого. Если знать как, если очень этого хотеть. И у Бо получилось.

– Все, – прошептал Стейн и стер подушечками больших пальцев, затянутых в перчатки, текущие по щекам слезы. – Все. Сейчас станет легче. Закрывай глаза.

Он вынул из чужой головы бур. Он выяснил все, что хотел.

Прежде чем покинуть дом, Эст потратил несколько минут на то, чтобы восстановить лопнувшие в ее глазах сосуды, максимально купировал боль.

После уложил Кэндис на кровать и сказал: «Спи».

Ей пришлось подчиниться.

Комиссионерам невозможно не подчиниться.

* * *

Обратно Стейн вернулся через час.

Хорошо, когда твоя машина работает Порталом, хорошо, когда километры для нее не существуют, а любые дальние расстояния – миллиметровые клеточки на виртуальной карте. Прежде чем разбудить Кэндис, налил себе воды. Какое-то время стоял у окна.

Темнело.

Она проснулась через двадцать минут, почти сразу сползла с дивана – привыкла к тому, что в последнее время спать на мягких поверхностях ей не позволяли. Что смешивали с грязью, приучали к мысли о том, что она «никто».

Стейн жестом указал ей обратно – Эбби подчинилась.

Она сидела тихо и молчала – Бо запрещал ей говорить, – на Эста не смотрела, но Эст смотрел на нее. Прямо, не моргая. В комнате сгущались сумерки, он включил торшер, после чего произнес:

– Я убил его.

В ее глазах та же паника, что и когда-то – любое упоминание о прошлом пока вызывало в ней шок. После осознание его слов, иное выражение – впервые не пустое, что-то осмысленное.

– Кого?

– Того, кто тебя мучил.

Стейн все ждал, что на него посмотрят с испугом, но глаза Кэндис расширились, а вопрос последовал неожиданный.

– Как?

Не праздный вопрос, со смыслом. Она хотела знать, как именно он это сделал.

– Страшно. – Эст пожал плечами. Он мог бы не страшно, но не захотел.

Впервые Эбби впилась в лицо Стейна взглядом, и в нем читались жадность и прошение.

– Вы можете… показать мне?

Наверное, она понимала, что он может многое. Или надеялась на это.

– Могу. Но это не то, что тебе стоит…

– Я хочу… это увидеть.

Он вдруг понял – ей надо. Это исцелит ее, это лучше любого бальзама затянет раны на ее душе, это оборотный эликсир.

Тишина. Впервые на ее щеках выступили розовые пятна.

– Держи меня за руку.

И он протянул ей ладонь.

Теперь она видела то же, что и он – Бо Харкинса в своем подвале. Да, пришлось снять его с «линии», бросить его желтую тачку в подворотне, увезти в дом у моста на своей. А дальше те же мрачные стены, которые Эбби созерцала сутками напролет, на которые смотрела глазами сквозь заплывшие от побоев веки.

Харкинс на коленях. Ладонь Стейна без перчатки на его голове и, похоже, будто Бо собираются благословить. Только все наоборот. Человек что-то бормочет, подвывает от боли, Комиссионер спокоен, лишь марево вокруг Бо все заметнее. Жаркое, как в пекле вулкана. А после бормотание все отчаяннее, все безнадежнее, просьбы отпустить, крики… А после просто крики – настоящие, те, которые случаются в агонии.

– Что вы с ним… сделали?

Эбби глаз от зловещей картины не отрывала.

– Я поднял температуру его тела. Тридцать восемь градусов, сорок, сорок шесть. Дальше – выше. Я поджарил его изнутри. – Он знал, что это страшно. – Я также лишил его права на воплощение в любом из миров.

«Если это важно».

Ей было важно.

Стейн аккуратно высвободил свою руку из хватки Эбби.

– Видишь, Комиссионеры – монстры.

Попытался пошутить, но она вдруг сделала неожиданное – подалась навстречу и прижалась к нему. Щекой к груди. Эст резко поднял подбородок, чтобы ненароком не коснуться ее макушки, просто чувствовал, как к нему льнет девчонка, как дрожит все сильнее, как сотрясается от рыданий.

«Наконец-то, – думал он, когда эмоции начали выходить из нее наружу. – Это правильно».

А через минуту она заорала. Надрывно, отчаянно, от ярости, от жалости к себе, от всей боли, которую пережила.

– Тсс, – он гладил Эбби по спине, – всё, уже всё.

Для нее всё. Для него не всё, остался Гил.

С ним он разберется ночью.

* * *

Ночевала она в гостиной, он в спальне.

И до утра не сомкнул глаз.

По пути на работу удивительно ярким виделся ему мир – удивительно красивым серое пасмурное небо и блестящие капли на перилах кафе. Стейн никогда не замечал, сколько оттенков стального цвета присутствует в стенах Реактора, в его коридорах, в коврах. Каким удивительным выглядит экран в отделе; Эст впервые прочитал надпись на кулере – «Arion».

Гостей не было.

Желание жить скакнуло в Эбби с одного процента до девяти – хорошо, но мало. Недостаточно.

Он пытался читать новости и статистику, просматривал то, что пропустил вчера на совещании; время от времени ему вспоминался последний крик Гила…

А к двум дня Стейн вдруг попросил себе замену, вновь выдал код «непредвиденных обстоятельств».

Собрался и пошел домой.

Он ехал и понимал – ему нравится, что она там. В его доме.

Да, всего лишь воля случая, но ведь он просил о переменах. Те, что случились, делали его иным – чувствующим глубже, воспринимающим мир в ином спектре цветов. Хотелось это продлить. Его идея странна, она почти сумасшедшая, и шанс на то, что она сработает, минимален. И все же…

* * *

Кэндис. Девчонка со светлыми волосами и удивительными серыми глазами. У нее очень тонкая талия и красивые запястья. Длинные изящные пальцы, очень женственные плечи. Все, что испорчено, можно вернуть обратно, особенно если это не физиология, а всего лишь психология. Да, потребуется время – возможно, не один день или месяц, возможно, год, но Стейн терпелив. Ему интересно, как она смеется, как блестят в свете солнца ее волосы – осталось вернуть им блеск…

Возможно, это простая помощь. Ничего более.

Она сидела на диване, когда он пришел, она ждала вечера – своего конца. Пыталась быть сильной, пыталась скрывать свою печаль – на него, когда вошел, взглянула с тревогой, быстро отвела глаза. Для нее Эст в первую очередь Комиссионер. В последнюю тоже.

Она не готовила на кухне, хотя в холодильнике были продукты, не читала, не смотрела телевизор. Люди, стоящие на краю, теряют интерес к бытовым вещам.

– Как ты?

Даже в его вопросе она пока видела приказ отвечать – тень Бо еще висела на задворках сознания. Эст вытравит ее оттуда, если она позволит. Ему нравилось думать об этом, о процессе «восстановления», о долгих днях, проведенных вместе, даже если прогресс будет скромным и постепенным. И он отпустит ее, как только она излечится.

– Нормально.

Что еще она могла ответить?

И нет, она не завтракала, даже к воде не притрагивалась – нервы.

– Ты ведь не хочешь уходить, так?

Он стоял, опершись спиной на раму высокого окна – от потолка до пола. Наверное, он кажется ей жестким, отдаленным, иным. Особенно с этим давящим взглядом.

– Н-н-не хочу… – Молчала долго, прежде чем спросить: – Разве у меня есть выбор?

– Есть, – ответил Эст и впервые почувствовал, что ему стало душно. – Я хочу предложить тебе кое-что.

– Что?

Теперь паузу до последнего держал он.

– Ты можешь остаться… со мной.

«Как… это?»

Она не вымолвила этого вслух, лишь распахнулись от удивления глаза.

– Остаться… с вами? – почему-то хриплым сделался ее голос. – Как… ваша… женщина?

«Женщина». Ему хотелось усмехнуться. Женщина – это громко сказано. Это в случае, если простая помощь случайно перерастет в чувства, если вдруг созреет в ней желание стать частью его семьи, если придет осознанность, что именно все это означает. Не факт, что у Дрейка Дамиен-Ферно осталась трансформирующая сыворотка, однако все они начали присматриваться к девушкам после того, как у Начальника, а после и у заместителя, появились вторые половины. Человеческие женщины.

Нет, Стейн не загадывал так далеко. Не потому, что не хотел, но потому, что рационально оценивал шансы, однако Эбби вдруг спросила:

– А… вы можете… меня защитить?

Эст усмехнулся. Спросил:

– Кто я?

Спросил тяжело даже для самого себя; Кэндис съежилась от невидимого пресса.

– Вы представитель Комиссии, – отозвалась тихо, как на уроке.

«Отличница. Садись».

– Смогу ли я защитить? Наверное, даже слишком.

Если она понимает, о чем речь. Но она, как ни странно, понимала. И нет, он не успел ей ничего пояснить в ответ на вопрос «Как ваша женщина?», а Эбби взглянула на него иначе, как прозрела. И ответила:

– Да. Я хочу.

Стейн на секунду опешил.

– Хочешь…

Она перебила:

– Да, хочу остаться с вами, как ваша женщина.

Он чувствовал странное. Нечто жаркое, непривычное, и еще то, что выходит из берегов. Начинает переставать вмещаться в себя самого – пробила вдруг брешь эмоциональность.

Конечно, у нее стресс, просто синдром благодарности спасителю. Хотя по глазам и не скажешь.

– Возможно, ты никогда не сможешь меня коснуться. Или переспать со мной, пусть тебе пока это неважно.

«Но когда-нибудь».

Для чего он это поясняет? Ведь, по сути, он для нее просто перевалочная база, пункт неотложной помощи, потому что решил стать им сам. И думал, что она откажется. Чего он не ожидал совсем, так это удивительной решимости в ее глазах.

– Неважно.

– А если сможешь, то навсегда этим закроешь себе путь к другим мужчинам.

– Я согласна.

Его вело. У него впервые куда-то исчезла логика – ее будто стерли. Осталось ровное пространство внутри, идеально гладкое, как море.

А Эбби подошла снова. Близко. Уткнулась лбом в его грудь, как доверчивый котенок. И еще… как женщина, ищущая поддержку в своем мужчине. Стейн расширялся, ему казалось, он стал шире этого дома, шире целого района.

«Процент ее желания жить?» – запросил он систему.

И с закрытыми глазами наблюдал то, чего быть не могло – цифры менялись на ходу.

«Двенадцать… Пятнадцать… Двадцать один…»

Граница выше двадцати – и «Деструкто» можно отменять.

– Дай мне свою бумагу…

Эбби отстранилась от него, и то место, куда только что упирался ее лоб, накрыло холодом.

– Эту? – На свет появился мятый лист с печатью.

– Да.

Он порвал его на части.

– Что… вы…

– «Ты».

– Что?

– «Ты». Кажется, мы обсуждаем такие вопросы, когда на «вы» уже не положено.

У нее красивые глаза – жизнь в них вливалась не только на цифрах.

– Ты… порвал ее. Бумагу.

– Да, потому что она больше не действует.

Они смотрели друг на друга долго. Человек и представитель Комиссии.

Если у Дрейка получилось, у Джона… Да, еще не любовь, перед ним появилась первая ступень лестницы возможностей, ведущая к чувствам. В будущем. Если получится.

– Стейн, – представился он девчонке в мятой блузке.

Вечером он затянет шрамы на ее коже – будет не больно.

– Эбби, – ему шепнули в ответ.

– Будем знакомы, Эбби.

Пока рано говорить «добро пожаловать домой», пока рано говорить, что угодно, поэтому он промолчал. Добавил спустя несколько секунд:

– Я должен съездить на работу. Будь здесь, когда я вернусь.

Она, не отрывая от него взгляда – взгляда, который смотрел ему в самую душу, – кивнула.

* * *

Ему требовался отдел Исполнения Наказаний. Требовалось удостовериться, что предписание не будет исполнено, что статус «объекта» изменился. И сделать это Эст желал лично. Он объяснит им, почему изменились условия, объяснит то, во что пока мало верит сам.

Пришлось заехать сначала к себе, поговорить с заместителем.

– Сегодня не приду, – он был краток.

– Хорошо. – Его кресло пока занимал Эвери Кантон-Дес. – Я прочитал, что вчера к нам заходила девушка?

Ну да, уведомления хранились на экране после посещения двое суток.

– Заходила.

– Перешла?

«Или умерла»? После визита к ним человек был либо «1», либо «0», где «1», соответственно, «жив».

– Передумала.

– Передумала Переходить?

– Да.

– Каким образом?

– Я переубедил.

– Ты?

Стейн не стал ничего пояснять. Пусть Эвери домысливает.

Очень яркие серые стены, глубинное объемное восприятие – Эст шагал по знакомому коридору и видел его впервые. Все видел иначе – оборудование, перегородки, мебель; из него впервые изливалось наружу вполне ощутимое тепло, почти жар.

Конец

Праздник Дрейка

Глава 1

Залитые солнечным светом стены кабинета очень контрастировали с тем, что я видела в воображении и испытывала в собственном теле – чужие чувства.

Она с детства ненавидела воду. Еще с тех пор, как упала со скользкого берега в пруд и едва не захлебнулась. Теперь ее голова находилась в емкости с холодной водой (в тазу?), держала за шею в попытке не то утопить, не то «научить» чья-то жесткая рука. Сознание меркло в панике – лишь бы не сделать вдох, не

захлебнуться. Удары сердца гулко отдаются в ушах, уже не удары – похоронный марш гигантских барабанов. Последние секунды; кажется, из орбит под закрытыми веками лезут глаза, и уже почти стерлась грань между тем, где заканчивается жизнь и начинается смерть…

Теперь Дрейк это часто практиковал – прямую трансляцию. Вместо того чтобы многословно объяснять исходные данные, он попросту виртуально помещал мой разум в чужое тело и позволял взглянуть на сторонний опыт изнутри. В данном случае стрессовый.

– Она умерла?

– Нам это не важно.

Оставаясь Бернардой, я все еще ощущала себя той женщиной, которую топили. В каком мире это происходило, зачем? За что? Все еще чувствовала неумолимые пальцы на собственной шее и дрянную воду, которую «терпеть не могла». И временно не разберешь, где свои чувства, где чужие.

– Тебе нужно понять, – вещал тем временем от доски Дрейк – вел урок, – что в стрессовой ситуации нужно в первую очередь остаться сторонним наблюдателем. Не поддаваться чувствам, потому как они помещают тебя в «картину», «киноленту», откуда управлять ситуацией невозможно. Потому что ты становишься актером, участником фильма. Ты начинаешь верить в него. Управляет же всем режиссер. Так вот, на месте этой женщины, куда бы ты сразу предпочла сместиться, в какой вариант?

Я полагала, что женщина должна была действовать. Например, огреть державшего ее за шею мужчину вазой по голове или же воткнуть ему ножницы в бедро. Но Дрейк говорил не об этом, он уже какое-то время учил меня смещаться не физически, то есть не телепортировать собственное тело за пределы зоны опасности, но телепортировать саму опасность. То есть смещать кадры текущей реальности. Причем быстро.

Я же смотрела на Учителя в серебристой форме и понимала, что не хочу становиться этой женщиной – мне было слишком хорошо жить. На дворе поздняя весна, почти лето; передо мной красивый мужчина в форме, и чужие панические мурашки растворялись – мол, все верно, мы пойдем, ибо мы не из этой

реальности.

Когда-то я полагала, что связь между двумя людьми, которые давно вместе, постепенно меркнет. Что ее нужно «подогревать», освежать, или как это называется? С Дрейком было иначе: с ним «связь» крепла сама, новизна чувств не угасала, сохранялись и желания, и острота восприятия ощущений. Не чудеса, норма. В его случае точно. И потому я, откинувшись на спинку стула, охотно теряла лоскуты воображаемой картины – чужое женское тело, таз, давление на шею, – как остатки сна поутру.

Куда интереснее мне был тот, кто стоял напротив.

– Я не дождался твоего ответа, Ди. А ведь это важно.

Важно. Но он сам говорил, что времени нет, что «я все всегда успею». И сейчас я хотела посвятить это самое время любованию его ладной фигурой, плечами, линией подбородка. Зачем мы отправились в Реактор так рано? Могли бы позавтракать дома, занятие провести на пару часов позже.

Начальник тем временем неспешно приблизился к моему столу, оперся на него рукой, наклонился. Подался вперед настолько, что я ощутила, как колышутся мои волосы от его дыхания.

– Бернарда… – Тихий голос рядом с ухом. Секунда застыла, превратилась в отдельный мир. – Знаешь, чем ты сейчас пахнешь?

Нет.

Это слово даже не слетело с моих губ – Дрейк уловил ответ-мысль. Запах его нового парфюма действовал на меня исключительно одинаково – отключал голову сразу же, как только долетал до ноздрей. Тепло, светло, солнечно. Зачем нам какая-то женщина и чужой стресс?

– Ты пахнешь желанием касаний. Вожделением.

Когда он произносил эти слова тихо, что-то складывалось и раскладывалось внутри меня. Моментально отключились все центры сопротивления, остались

только рот, полный слюны, и чувственная готовность всех рецепторов.

– Ты пахнешь, – голос обволакивающий, такой же бархатный, как и аура Дрейка, – желанием принять. Добровольно. Отдать все.

Последние слова с ноткой жесткости. Едва уловимой. Так случайно отблескивает сталь ножа, которым режут для букета цветы. Очень красивые цветы.

– И знаешь, что во мне это пробуждает в ответ?

Нет. Очередная жадная, игривая мысль.

– Много всего…

Я забыла про урок. Про стены Реактора, про надобность слушать учебный материал – рядом с тем, кто стоял сейчас близко, создалось отдельное пространство.

– Например?

– Агрессию. – Шепот не потерял мягкости. – Ту древнюю, очень глубокую, которую я никогда не выпускаю наружу. Желание обладать. Это будит во мне собственника, который хочет клеймить. И еще огромную нежность – как каньон, как трещину. Она делает меня уязвимым. Эта любовь к тебе.

– Ты не бываешь уязвимым.

«Бываю, когда это касается тебя».

Моей шеи коснулись губы. Мягко-мягко. Под мочкой уха. Спустились ниже – проложили дорожку из трех поцелуев. А после настиг коварный вопрос:

– Но мы ведь тратим время не на то, правда? Я так и не дождался от тебя ответа.

По теме урока. Точно… Вот только не давалась сегодня мне эта тема, внимание смещалось не туда. Нет, бывало, я совершенно спокойно воспринимала Дрейка

как учителя, но не сегодня.

– Мне просто нравится на тебя смотреть.

Начальник отстранился, и взгляд его сделался хитрым.

– Может, сменить тебе преподавателя? Чтобы ты на него не реагировала?

– Если хочешь, чтобы мы в первый раз поругались, смени.

Дрейк выпрямился. Теперь на его губах играла та самая улыбка, которую никто и никогда не мог разгадать.

– Кстати, – я легко пожала плечами, – мы ведь и правда никогда за всю нашу историю не ругались. Ни разу. Прямо совсем не как «обычная пара».

Он взял стул, поставил напротив, сел за мой стол с обратной стороны. Отзеркалил мой же взгляд ленивой расслабленной кошки, вот только в его глазах, в отличие от моих, плескались под двойным дном странные выражения.

– Думаешь, это хорошая идея – иметь со мной конфликты? Не забывай, я все-таки всемогущ. – Об этом сложно было забыть. – И, если спокойная жизнь тебе однажды наскучит, я с удовольствием внесу в нее эмоциональное разнообразие. Но только в качестве игры. Потому что настоящая ссора между нами чревата большими последствиями.

– Вздрогнут Уровни?

– Возможно, не только они. – Дрейк, увлеченный, как мальчишка, вдруг снова подался вперед. – Хочешь, я покажу тебе?

– Что именно?

– Нашу ссору.

Очередная «прямая трансляция»?

– Хочу.

Я сама не знала, зачем ответила так. Наверное, из любопытства, потому что настоящих ссор между нами я никогда не желала и даже не верила, что смогу хоть одну из них спокойно пережить. Мы и правда необычная пара, и такие, как мы, не сходятся для того, чтобы сотрясать землю пустыми склоками.

Он коснулся моей руки. Положил свою ладонь сверху, и мир тут же вздрогнул. Я увидела себя, сидящую в маминой квартире на кровати. На Земле, в своей старой комнате. И сердце мое было порвано в клочья. Оно, избитое и раненное неправильными словами, ощущалось отекшим, разбухшим от боли. Мир накренился, как битое пыльное стекло в ссохшейся раме. И, помимо своей собственной боли, ввинтился в меня жгут чужой боли – Дрейковой. Она была в разы сильнее моей, острее, ужаснее. Она была Вершащей, могучей, как черная дыра, и практически неуправляемой. Она была Антивселенной, убийцей.

Всего лишь секунда – и касание прервано. Вновь солнечный кабинет в Реакторе, стены, испещренные солнечными зайчиками.

– Вот чем чреваты наши с тобой конфликты.

В Дрейке не было напряжения. Ни капли. Он знал, что до этого никогда не дойдет, я, как ни странно, знала это тоже, но увидеть последствия размолвки воочию – наглядный пример сценария, в который я уже никогда не захочу попадать.

– Ух… – По моей спине прошли мурашки, на этот раз ледяные. – Очень… познавательно.

А он меня любил. Любил так, что не разбить, не разлить, даже не потревожить это чувство. Удивительный человек, глубины которого мне никогда не познать. И я любила его так же.

Дрейк посмотрел на часы.

– Десять минут до конца занятия, и мы потратили время не на то.

– Время невозможно потратить «не на то» – ты сам этому учил.

– Ладно, – он легко согласился, – перенесем на следующий раз. «А этим вечером я покажу тебе воочию, какой отклик во мне пробуждает твое вожделение» – это не прозвучало, но я уловила. Дождаться бы.

– Следующие два часа у меня будут заняты новобранцами.

Я оживилась.

– Какими новобранцами?

– У-у-у, – Дрейк улыбнулся шире, – самый быстрый шаг к нашей первой ссоре, если ты на одного из них засмотришься.

Он шутил. Он знал, что этого никогда не случится. И потому пояснил:

– Я собираю еще один отряд для работы на сложных, отдаленных уровнях.

Вон оно что… Некие не знакомые мне могучие ребята будут проходить собеседование и тесты. Занимательно.

Я привыкла к тому, что в кабинете пусто, что в нем никогда не бывает лишней мебели – меня давно перестало это тяготить. Я привыкла к Реактору и к этому миру, я вплелась в него гармонично и ласково. В эти ковры, в вид серебристой одежды на Комиссионерах, во все.

Дрейк принялся стирать тряпкой с доски меловую линию, которую нарисовал ранее для наглядного пояснения, – график роста гормонов в стрессовых ситуациях. Он до сих пор использовал обычную доску и мел из-за меня, знал, что я отвлекаюсь на висящие в воздухе световые чертежи.

– А сколько тебе лет? – вдруг спросила я неожиданно для себя самой. И плечи Начальника заходили ходуном. Повернулся он с широкой улыбкой на лице, сложил тряпку между ладонями:

– Решила наконец выяснить возраст собственного мужа? Не поздновато?

Мне тоже было смешно.

– Ну… – и даже ответ не нашелся.

Тряпка отправилась на деревянную полку-подставку. Изогнулась бровь на мужском лице.

– Что, если я скажу «сто»? Или «сто десять»? Представишь меня дряхлым стариканом с трясущимися коленями и шамкающим беззубым ртом? У людей неверные ассоциации срабатывают быстро. А если скажу «тысяча»? Превращусь в злобное чахлое существо, которое держит свою смерть в «яйце»? Или как там у вас на Земле в сказке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/veronika-melan/prazdnik-dreyka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити